

Ния Шпиц
**Шрамы нашей
любви. Тень и
Свет**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ния Шпиц

Шрамы нашей любви. Тень и Свет

«Автор»

2026

Шпиц Н.

Шрамы нашей любви. Тень и Свет / Н. Шпиц — «Автор», 2026

Она спасла его ценой своей памяти. Теперь он ждёт два года, надеясь, что однажды она вспомнит. Каждое утро у дверей её Башни появляются белые цветы. Но память не возвращается. Она теряет себя в тишине, пока тело помнит то, что разум стёр. Но его брат вернулся из тени. Тот, кого считали мёртвым. Тот, кто заплатил своим лицом, чтобы выжить. Он крадёт её не для того, чтобы убить. Он хочет занять его место. Стереть её волю. Переписать её видение. И у него есть лицо, которое она не может забыть. Лирэль оказывается в древнем святилище, где стены помнят кровь её предков, а магия подчиняет разум через тело. Валиан не требует любви. Он требует присутствия. Он готов ждать, лгать, давить и принуждать — лишь бы она осталась. Потому что для него это не одержимость. Это месть брату, который получил трон, корону и её сердце. Лирэль должна сделать выбор. Вернуться к тому, кого помнит её тело, — и убить его любовью. Или остаться с тем, кто украл её память, — и сохранить равновесие мира.

© Шпиц Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Отражение в лезвии	5
Глава 2. Убежище Тени	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ния Шпиц

Шрамы нашей любви. Тень и Свет

Глава 1. Отражение в лезвии

Воздух вокруг Хрустальной Башни всегда пах озоном и талым снегом, даже в разгар лета. Лирэль любила этот запах. Он был чистым. Прозрачным. Как её собственная жизнь последние два года.

Она стояла у края обрыва, там, где кристальные выступы скалы переходили в выжженную пустошь. В руках была плетёная корзина с лунным мхом и корнем ночного шалфея. На левой ключице, прямо над бьющейся веной, белела единственная чешуя. Не часть доспеха, не украшение. Живая. Гладкая, размером с монету, она плотно вращалась в бледную кожу, словно древняя печать или застывшая капля молока. Иногда ей казалось, что чешуя теплее, чем сама кожа. Иногда — что она горит изнутри, реагируя на магию мира. Сегодня она горела.

Лирэль прикрыла глаза, пытаясь поймать источник тревоги. Разум молчал. В голове была тишина, звонкая и пустая, как залы Башни. Два года амнезии стёрли имена, лица, обещания. Она знала, что когда-то была целительницей. Знала, что нарушала законы, сбежала и сражалась. Ей рассказывали, какой она была: дерзкой, смелой, бесстрашной. Но она не узнавала себя в этих словах. Разум знал только факты, но тело помнило инстинкты. А сегодня тело будто кричало.

Пальцы в красных кожаных перчатках сжались так, что хрустнули суставы. Кожа под перчатками вспотела, скользкая от напряжения. Спаянное кольцо на среднем пальце — чёрное, впитавшее свет, светлое, хранящее тепло — дрогнуло. Мягкое свечение погасло, сменившись тусклым, тревожным мерцанием. Чешуя на груди дала резкий, колющий укол. Не боль, предупреждение.

Лирэль сделала шаг назад, отступая от края. Хрусталь под сапогами тихо звякнул. Ветер сменил направление. Принёс не запах трав, а пепел, железо, дешёвый эль.

— Кто здесь? — шепнула она. Голос прозвучал хрипло, непривычно громко в тишине.

Ответом был свист. Не ветра, а арбалетного болта. Лирэль инстинктивно пригнулась. Чёрный болт с оперением из вороньих перьев вонзился в камень там, где секунду назад была её голова. За ним — второй. Третий. Искры от трения металла о кристалл рассыпались по земле, шипя в сухой траве. Из тени скал, из расщелин, которые она считала безопасными, вышли фигуры.

Низкорослые, коренастые, закованные в грубые железные доспехи. Гномы. Но не те мастера камня и металла, что приходили к ней с дарами от имени короля Бротора. Эти пахли потом, ржавчиной и злобой. Их лица скрывали потёртые капюшоны, но в руках они держали не инструменты, а короткие арбалеты и сети, сплетённые из острой, почерневшей проволоки.

— Живой товар, — прорычал один из них. Голос звучал как скрежет камня о камень, пропитанный перегаром и уверенностью. — Заказчик платит золотом, а не вопросами. А светлая кровь целительницы на чёрных рынках стоит больше, чем вся руда Подгорья.

Лирэль отступила, но спиной наткнулась на холодный хрусталь стены. Бежать некуда. Пустошь за спиной — выжженная, открытая, без укрытий. Ветер нёс сухой жар, но под ним уже пробивалась ночная прохлада. Температура падала быстро. Эльфийская кровь не любила резких перепадов, а без магического купола тело оставалось беззащитным перед стихией.

— Я целительница, — сказала она, поднимая руки. Ладони засветились мягким золотистым светом. — Уходите. Я не хочу причинять вам боль.

Гном усмехнулся, обнажая жёлтые, сточенные зубы.

— Боль — это наша работа, эльфийка. Старейшины не забыли бегства. А те, кто хочет расколоть ваш хрупкий мир, платят щедро. И молчат потом.

Сеть взмыла в воздух. Лирэль не стала тратить магию. Она никогда не учила боевых плетений, её искусство было в исцелении, в свете, который закрывает раны, а не рвёт плоть. Вместо этого тело вспомнило старое: стойку, шаг, уклон. Она резко подалась в сторону, скользнула по камню, выставила предплечье, чтобы сбить траекторию. Пальцы сжались в кулак, готовый к встречному удару, локоть пошёл в корпус — движение отточённое, мышечное, рождённое в стычках, а не в заклиниваниях. Но сеть оказалась тяжёлой, липкой, сплетённой не для боя, а для поимки. Она накрыла её с головой, придавила к земле. Проволока впиалась в плечи, обожгла кожу. Она упала на колени, задыхаясь.

Кольца на пальце дрогнули, выпустив короткую, ослепительную вспышку — не удар, а защитный импульс, рефлекторный выброс света, который лишь на секунду ослепил ближайшего гнома. Но этого не хватило. Анти-магическое плетение в ячейках сети мгновенно поглотило остаток энергии. Свет погас. Магия целительницы, привыкшая закрывать раны, не знала, как ломать сталь. А драться в сети было невозможно.

Вена на запястье вздулась, налилась тёмным жаром. Чёрная пыль в проволоке — молодое железо из глубинных шахт, смешанное с солью каменных жил — врезалась в кожу, блокируя световой поток. Магия не исчезла. Она задохнулась. Лирэль почувствовала, как вены под кожей спазмируются, мышцы каменеют, дыхание сбивается на третий, четвёртый, пятый вдох. Кислород не доходил. Мир сузился до боли в запястьях, запаха гнилой шерсти и металлического привкуса крови на губах.

Грубые руки схватили её за волосы, дернули голову вверх. Капюшон сполз, обнажив шрам через всё лицо, потные виски, глаза, лишённые жалости.

— Быстро. Пока «тот» не почувствовал разрыв.

Лирэль билась, но силы уходили. Перчатки скользили по проволоке, но пальцы немели. Разум кричал: встань, беги, кричи. Тело не слушалось. Оно помнило только одно: выжить, дышать, терпеть. Она закрыла глаза, ожидая удара или темноты. И тут тишину разорвал вой

Не эльфийский. Не гномий, а низкий, вибрирующий звук, от которого дрогнули камни под ногами. Не громкий, а глубокий. Идущий не из горла, а из земли, из костей, из воздуха. Звук, который заставляет позвоночник выпрямиться, а дыхание замереть.

Гномы замерли. Сеть ослабла на мгновение. Из леса, словно выплывая из самой тьмы, вышел волк.

Огромный. Серый. Шерсть грубая, как стальная проволока, поблескивающая в сумерках седыми нитями. Мощное тело двигалось бесшумно, лапы не оставляли следов в пыли. Он остановился в десяти шагах от Лирэль. Его глаза сияли холодным серебром — старые, как само Подгорье, лишённые зрачков, полные тишины. Он не рычал. Не скалился, просто смотрел. Без враждебности. Без покорности. Только присутствие. Такое тяжёлое и осязаемое. За волком шагнул эльф

Лирэль перестала дышать. Высокий. Бледно-голубовато-серая кожа, характерная для детей ночи. Длинные чёрные волосы, спадающие на плечи чёрным водопадом, перехваченные у затылка серебряной нитью. Чёрные доспехи с серебряной филигранью, знакомой до боли в груди. Края плаща, разрезанного на ходу. Сила в каждом движении. Контроль. Тишина.

Кэйлен? Сердце Лирэль сделало болезненный кувырок. Чешуя на ключице вспыхнула жаром. Тело рванулось вперёд, навстречу этому силуэту, навстречу спасению. Инстинкт, глубокий и древний, толкал её к нему. Мышцы напряглись, пальцы разжались, перчатки скользнули по проволоке, ища опору. Два года пустоты, два года тишины, два года сна без снов — всё рухнуло в один миг. Тело узнало, разум молчал.

— Кэйлен! — выдохнула она, и имя сорвалось с губ само собой, словно оно было вырезано на её языке огнём.

Фигура остановилась. Волк тихо лёг рядом, не спуская серебряных глаз с гномов. Эльф медленно поднял руку. Не в приветствии. В жесте остановки. Гномы попятнулись. Предводитель наёмников сплюнул на землю, его взгляд метнулся от эльфа к волку и обратно. В его позе не было страха перед законом, но было узнавание. И осторожность.

— Уйдите, — произнес незнакомец.

Голос был похож на голос Кэйлена. Тот же тембр, та же глубина, та же бархатистая низость. Но в нём не было тепла. Не было той тихой нежности, которую Лирэль, возможно, когда-то знала. Этот голос был плоским, холодным, как лезвие бритвы, проведенное по коже.

Гномы переглянулись.

— Дело сделано, — буркнул предводитель, но в его голосе звучала не покорность, а скорее подтверждение сделки.

— Я сказал: уйдите, — повторил эльф, и в воздухе запахло озоном и статикой. Магия. Такая тёмная и гнетущая. Не атака. Присутствие. Вес

Наемники не стали спорить. Они бросили сеть, крепко сжали арбалеты и растворились в тенях скал, оставив Лирэль лежать на земле, связанную и униженную. Их шаги стихли быстро. Слишком быстро. Как будто они знали, что за ними уже не следят. Как будто сделали своё дело и ушли по приказу. Тишина вернулась. Тяжелая, давящая. Незнакомец подошел ближе. Лирэль подняла голову, глядя ему в лицо. И мир треснул

Это было лицо Кэйлена. Тот же изгиб скул, выточенных временем и войной. Та же бледность, оттеняющая черноту волос. Тот же шрам над бровью — тонкая белая линия, пересекающая совершенство. Но глаза

Глаза Кэйлена были черными, глубокими, как ночь, в которой можно утопать, если тебе доверяют. Глаза этого эльфа были такими же черными, но в них не было ночи. В них была пустота. И что-то еще. Расчет. Холодная, хищная оценка добычи, которая наконец-то попала в капкан. Он не спешил помогать ей. Он смотрел на неё, как коллекционер смотрит на редкий артефакт. Как стратег смотрит на шахматную фигуру, которую давно держал в уме.

— Ты ошиблась именем, Лирэль, — сказал он тихо.

Он присел на корточки, игнорируя грязь и кровь на её одежде. Его пальцы, длинные и бледные, коснулись проволоки на её плече. Прикосновение было ледяным. Лирэль вздрогнула. Не от холода, а от отвращения, которое возникло откуда-то из глубины желудка, вопреки тяге сердца. Её тело помнило тепло. А здесь был только лед, металл, контроль.

— Кто ты? — прошептала она. Голос дрожал. Глотка пересохла. Вены под кожей всё ещё горели от анти-магии, но теперь к боли примешивалась другая реакция: когнитивный диссонанс. Лицо знакомо. Взгляд чужой. Тело тянется, но разум кричит.

Он улыбнулся. Улыбка была красивой. Слишком красивой. Идеальной копией улыбки того, кого она любила. Но эта улыбка не достигала глаз. Она осталась на губах, как маска. Как инструмент.

— Я тот, кто пришел вовремя, — ответил он. — А он — он кивнул в сторону юга, туда, где за горизонтом скрывалась Черная Цитадель, — он слишком занят короной, чтобы заметить, как твою жизнь крадут по кусочкам.

Он провел пальцем по её щеке, стирая каплю крови. Движение было интимным, но лишенным любви. Как прикосновение хирурга к ране. Точное, безжалостное, без сочувствия.

— Меня зовут Валиан.

Имя повисло в воздухе. Оно не вызвало никаких воспоминаний. Никаких образов. Только глухой удар в висках и странное ощущение дежавю, которое охладило позвоночник. Спаянное кольцо на пальце дрогнуло. Свет погас совсем. Чешуя на груди пульсировала теперь неровно, скачками, словно пытаясь откалиброваться, найти знакомый ритм и не находя.

— Брат? — спросила она, хотя не знала, почему этот вопрос пришел ей в голову. Слово «брат» казалось тяжелым, запрещенным. Оно упало на язык, как камень.

Валиан склонил голову.

— Когда-то. Теперь я просто тень, которая отказалась исчезнуть.

Он легко, одним движением кинжала, перерезал проволоку. Лезвие было тонким, темным, без бликов. Сеть упала. Лирэль осталась сидеть на земле, свободная, но совершенно беззащитная перед этим эльфом, который носил лицо её возлюбленного, как трофей.

Валиан протянул ей руку.

— Встань, Лирэль. Здесь больше небезопасно. Те, кто послал этих крыс, вернуться. Или придут другие. А я я могу предложить тебе убежище. И ответы.

Лирэль посмотрела на его руку. Потом на волка. Серебряные глаза животного смотрели на неё с пугающим пониманием, без осуждения, но и без жалости. Волк не рычал. Не вставал. Просто дышал медленно, ровно. Тень, которая выбрала хозяина сама. И которая теперь молча ждала, что выберет эльфийка.

Разум кричал: беги. Это ловушка. Он опасен. Тело помнит тепло, а здесь лед. Уходи Тело молчало, парализованное сходством и странной, липкой уверенностью Валиана. Внутреннее одиночество, которое длилось два года вдруг стало невыносимым. Страх перед неизвестностью оказался сильнее интуиции. Антимagia всё ещё жгла вены. Быстро стемнело, температура резко упала. Пустошь за спиной — открытая, холодная, без укрытий. Башня — в трех часах пути, она ушла слишком далеко. Без магии, защиты и сил Лирэль попыталась шевельнуть пальцами правой руки, но не получилось.

Вместо чувствительности — глухая, ватная пустота. Будто руку отрубили, но нерв ещё ныл. Анти-магия гномов не просто гасила свет. Она выжигала связи. Чёрная пыль в проволоке ввела в кожу, и теперь яд расплзался по венам медленным, холодным укусом. Сначала онемели кончики пальцев. Потом запястье стало чужим, тяжёлым, как камень. Она знала этот запах. Жжёное мясо и озон. Магический некроз.

Если она не очистит раны лунными смолами до рассвета, онемение поднимется выше. Локоть. Плечо. Грудь. Сердце остановится, зажатое ледяной хваткой собственного тела. Она умрёт не от меча. Она может умрёт от того, что её собственная плоть откажется ей повиноваться. Холодной, одинокой смертью в грязи, в трёх часах пути от дома, куда она не доберётся. Это был не выбор. Это был приговор, который можно отсрочить только одним способом. Она взяла его руку.

Его пальцы сомкнулись вокруг её ладони. Крепко. Властно. Не отпуская. Как наручники. Как печать. Как обещание, которое нельзя отозвать. Кожа была холодной. Сухой. Живой, но лишенной того самого тепла, которое её тело помнило и требовало.

— Пойдем, — сказал Валиан, и в его голосе прозвучало тихое торжество. — У нас много времени, чтобы вспомнить всё. Или забыть заново... Если тебе станет совсем плохо, мой волк рядом.

Лирэль поднялась. Ноги дрогнули, но устояли. Чешуя на груди теперь холодила, словно кусок льда, брошенный в огонь. Спаянное кольцо на пальце погасло совсем. Красные перчатки скользнули по земле, собирая пыль, пепел, следы крови. Она шла рядом с ним, в тень леса, оставляя позади свет Хрустальной Башни.

Ветер сменился. Принёс запах хвои, старой земли, ладана. И ещё что-то. Лунные смолы. Запретные травы. Магия, которая лечит не душу, а плоть. Переплавляет. Меняет. Подчиняет.

Волк поднялся первым. Пошёл тихо, бесшумно ступая по мху. Серебряные глаза не отрывались от Лирэль. Не с осуждением. С пониманием. С тем, что знает цену выбору. Лирэль не оглядывалась.

Впервые за два года она почувствовала, что делает выбор. Не разумом, а телом. И тело, помнящее тепло, жаждущее знакомый голос, кричащее о безопасности — сделало шаг в тень. Потому что иногда выживание важнее правды. Потому что иногда холодная рука, предлагающая убежище, единственное, что остаётся, когда мир гаснет.

Лес поглотил их. Тишина сомкнулась А где-то далеко, за горизонтом, на склоне холма, белые цветы, сорванные утром, всё ещё лежали на каменной скамье у крыльца Хрустальной Башни и ждали. Но никто не пришёл.

Глава 2. Убежище Тени

Лес поглотил их быстро, словно живой, дышащий организм, который сомкнул челюсти за спиной. Хвоя пахла сыростью и старой смолой, земля под сапогами проминалась мягко, беззвучно, впитывая шаги, будто боясь выдать направление.

Лирэль шла рядом с Валианом, не отставая, не приближаясь. Ноги всё ещё дрожали от анти-магии, вены на запястьях ныли глухим, ровным жаром, который медленно полз вверх, к локтям, к плечам. Она чувствовала, как чёрная пыль гномов оседает в капиллярах, блокирует ток света, превращает кожу в чужую, тяжёлую, неживую ткань. Каждый шаг давался с усилием. Дыхание сбивалось. Ветер нёс холод, пронизывающий тонкую ткань одежды целительницы, заставляющий зубы стучать, а пальцы — каменеть.

Впереди шёл волк. Нокс. Огромный, серый, с шерстью, жёсткой, как спутанная проволока. Он не оглядывался и не ускорялся. Просто шёл, ступая бесшумно, оставляя на мху лишь лёгкие вмятины, которые тут же зарастали. Его серебряные глаза ловили лунный свет, пробирающийся сквозь кроны, и казались старше самого Подгорья. Лирэль смотрела на его спину и понимала: зверь не охраняет. Он маркирует и показывает путь, который уже выбран за неё.

Валиан не говорил. Его чёрный плащ развевался редко, тяжёлая ткань не шуршала, серебряная филигрань на доспехах не звенела. Он двигался так, будто пространство вокруг него было вязким, подчинялось его ритму, а не законам ветра и гравитации. Бледно-голубоватая кожа казалась почти прозрачной в сумерках, но в ней не было слабости. Только контроль. Только тишина. Только та самая ледяная уверенность, которая заставила гномов-наёмников отступить, не задав ни одного вопроса.

Лирэль сжала пальцы в перчатках. Кожа внутри вспотела, скользила по подкладке. Спаянное кольцо на среднем пальце, соединённое её кровью и магией два года назад — не светило. Оно было тусклым, тяжёлым, как свинец.

Чешуя на ключице пульсировала неровно: то жарко, то холодно, то замирала на секунду, потом резко билась, словно пытаясь настроиться на частоту, которую не находила. Два года в Хрустальной Башне несли ровный, спокойный ритм. Здесь ритм срывался. Здесь всё вибрировало. Воздух был густым, насыщенным старой магией, ладаном, пылью веков.

Валиан остановился первым. Лирэль подняла голову. Перед ними, в расщелине между двумя отвесными скалами, виднелся вход. Не пещера, не нора, а святилище. Эльфийское. Древнее. Арки из белого камня, покрытые трещинами и мхом, колонны, сложенные из пластов известняка, в которых застыли отпечатки древних листьев. Резные узоры на стенах — переплетение лун, корней, перьев и пламени — были стёрты временем, но не исчезли. Они светились тусклым, внутренним свечением, будто камень помнил, кто его высекал, и отказывался забывать.

Ветер здесь стихал. Воздух становился плотным, тёплым, несмотря на ночь. Пахло лунной смолой, сушёным шалфеем, старым пергаментом и чем-то ещё. Чем-то, от чего чешуя на груди Лирэль дала резкий, колющий укол. Не боль, а узнавание и резонанс.

Святилище было построено на крови светлых эльфов. Оно отзывалось на её пульс. Оно звало её внутрь.

— Входи, — сказал Валиан. Голос прозвучал тихо, без приказа.

Лирэль сделала шаг. Потом ещё один. Камень под сапогами был гладким, тёплым. Воздух внутри оказался ещё гуще. Он обволакивал, давил на барабанные перепонки, заставлял сердце биться чаще.

Колонны уходили в высоту, теряясь в тени свода. Пол был выложен плитами, между которыми пророс тонкий мох. В центре, у низкого каменного алтаря, заваленного пылью и опав-

шими листьями, лежали белые цветы. Свежие. Только что сорванные. Лепестки ещё хранили влагу утренней росы.

Лирэль замерла.

Валиан прошёл мимо, не задерживаясь. Его плащ задел край алтаря, сбив горсть пепла. Волк Нокс обошёл её по кругу, лёг у дальней колонны, положил морду на лапы. Серебряные глаза остались открытыми. Смотрели на неё. Просто присутствие. Тень, которая выбрала наблюдать.

— Сядь, — сказал Валиан, указывая на каменную скамью у стены. — Снимай перчатки. Я вычищу остатки гномьего плетения из вен.

Лирэль не ответила. Она села. Камень был тёплым, но не живым. Она медленно стянула левую перчатку. Потом правую. Кожа под ними была бледной, испещрённой тонкими красными линиями, где проволока впиалась глубже всего.

Вены вздулись, налились тёмным, почти фиолетовым оттенком. Пальцы не слушались. Она попыталась разжать их — получилось только наполовину. Судорога прошла по предплечью, резкая, холодная, как игла под кожей. Тело помнило, как больно. Разум помнил, что терпеть — единственный вариант.

Валиан подошёл. Опустился на корточки рядом. Его доспехи не звякнули. Он поставил на пол небольшую коробку из тёмного дерева, открыл крышку. Внутри лежали баночки с густыми, переливающимися смолами, пучки трав, серебряные иглы, бинты из тонкого шёлка, сосуд с прозрачной жидкостью, пахнувшей дождём и мятой.

Он не смотрел ей в глаза. Смотрел на руки. На вены и линии от проволоки.

— Анти-магия гномов не просто блокирует свет, — сказал он тихо, доставая маленькую кисточку с мягким ворсом. — Она связывается с нервными окончаниями. Превращает магию в яд. Если не вычистить до рассвета, онемение поднимется выше. Локоть. Плечо. Сердце останется, зажатое ледяной хваткой собственной плоти.

Он макнул кисть в смолу. Та была тёмной, вязкой, переливалась серебристыми искрами при свете лунных лучей, пробивающихся через трещины в своде.

— Будет жечь, — предупредил он. — Не дёргайся. Иначе нить порвётся. Останется шрам на всю жизнь.

Лирэль кивнула. Голос не пришёл, потому что горло было сухим, сжатым. Она уперлась локтями в колени, вытянула руки вперёд.

Валиан коснулся её запястья.

Его пальцы были холодными, сухими, точными. Он не сжимал, не давил, просто придерживал, чтобы рука не дрогнула. Кисточка коснулась кожи. Огонь. Не метафорический. Реальный. Ожог, мгновенный, пронзительный, прошёл по венам, выжигая чёрную пыль, разрывая спайки анти-магии, выталкивая яд наружу через микропоры.

Лирэль сжала зубы. Дыхание стало прерывистым. Пот выступил на лбу, скатился по виску, упал на каменную плиту. Чешуя на груди пульсировала неровно, скачками, то холодея, то раскаляясь, пытаясь откалиброваться, найти знакомый ритм. Спаянное кольцо на пальце дрогнуло. Свет не появился. Только тусклое, тревожное мерцание, которое гасло, как свеча на ветру.

Валиан продолжал молча. Его движения были легкими, отточенными. Он не торопился. Не жалел. Просто делал дело. Кисточка за кисточкой. Смола за смолой. Травяной отвар, который он прикладывал к самым глубоким ранам, пах ладаном и горьким корнем. Бинты ложились ровно, без складок, без лишнего натяжения.

Он не смотрел ей в лицо. Смотрел только на руки. На вены и на кожу. Прикосновения были стерильными и хирургическими. Без тепла, жалости, той самой нежности, которую её тело помнило из другого времени, от другого эльфа. Это была забота, лишённая души. Уход, который производился в клетке.

— Ты знаешь, почему я выбрал это место, — сказал он вдруг, не поднимая глаз. Его голос звучал ровно, без эмоций. Как чтение свитка.

Лирэль не ответила. Ждала. Боль медленно отступала, сменяясь глухим жаром.

— Потому что оно резонирует с кровью светлых эльфов, — продолжил он. — Потому что стены помнят твоих предков. Чешуя на твоей груди здесь пульсирует чаще. И ты чувствуешь себя в безопасности, даже когда разум кричит об обратном.

Он отложил кисточку. Достал иглу. Тонкую, серебряную. Окунал её в прозрачную жидкость.

— Это не магия очарования, Лирэль. Это акустика. Твоё тело тянется на знакомую вибрацию, как заблудившийся путник тянется на свет в окне. Я не заставляю. Я создаю условия, где отказ от помощи равносителен смерти. А согласие — даёт время. Игла вошла в кожу рядом с самой глубокой раной. Лирэль вздрогнула. Зубы стиснулись сильнее. Вкус меди появился во рту. Пот тёк по спине.

— Время на что? — прошептала она наконец. Голос прозвучал хрипло, как наждак о камень.

Валиан поднял глаза. Чёрные. Глубокие. Пустые. Но в этой пустоте было что-то новое. Не расчёт и холод, а наблюдение, изучение. Как алхимик, разглядывающий редкий реагент.

— Чтобы вспомнить, — сказал он. — И понять, что тело помнит лучше разума. Почувствовать разницу между тем, кто ждал два года, и тем, кто пришёл вовремя. Любовь — это не обещание, а привычка. Привычку можно переплавить.

Игла вошла глубже. Валиан медленно повёл её под кожей, нащупывая твёрдое сопротивление. Лирэль сжала челюсти, чувствуя, как стальное острие цепляет не мышцу, а что-то тягучее, вплетённое в саму ткань нерва.

Он потянул. Из раны, медленно, с глухим сопротивлением, поползла тонкая чёрная нить — остаток гномьего плетения, вьёвшийся в капилляры. Она вышла туго, дрожа в воздухе, словно живая. Валиан отбросил её на камень. Нить зашипела, рассыпаясь в едкий дым.

Не останавливаясь, он тем же движением поддел иглой плотный, тёмный сгусток у самого дна раны. Смесь крови, магии и чёрной пыли отделилась от живой ткани с тихим, влажным звуком. Капля упала на камень. Запахло озоном, горелым мясом и старой медью.

— Он не приехал, Лирэль, — добавил Валиан тихо. — Корона тяжелее любви. Совет старше сердца. А я я не жду. Я действую. Потому что цена любви всегда выше цены трона. И я готов платить её. Даже если тебе придётся учиться платить её вместе со мной.

Лирэль закрыла глаза. Дыхание выровнялось. Боль отступала, сменяясь глухим, ровным жаром, который медленно расходился по венам, вытесняя холод. Пальцы шевельнулись. Потом ещё раз. Она попробовала сжать кулак. Получилось, не полностью.

— Спасибо, — сказала она. Голос был ровным. Без эмоций, благодарности и страха. Валиан кивнул. Не улыбнулся и не ответил. Он убрал инструменты в коробку. Закрыл крышку и встал. Плащ колыхнулся.

— Отдохни, — сказал Валиан, отступая на шаг. — Завтра начнём с трав. Твои руки вспомнят, как их смешивать. Твоё тело вспомнит, как дышать. А я я буду рядом. Не как спаситель. Не как враг. Как тень, которая отказалась исчезнуть. И которая знает, что цена любви всегда выше цены короны.

Он отвернулся, но не пошёл к алтарю. Он сделал жест рукой, указывая на арку в глубине святилища, скрывающую в тени колонн.

— Твоя комната там. Кровать готова. Отвар оставь здесь.

Лирэль медленно поднялась. Ноги всё ещё были ватными, но отвар начал действовать: жар в желудке вытеснял холод, боль в венах притупилась до ровного нытья. Она взяла чашу, сделала последний глоток — горький, обжигающий — и поставила её на камень.

Она прошла мимо Валиана. Он не смотрел на неё. Его профиль был резким, неподвижным, словно высеченным из того же камня, что и стены. Волк Нокс поднял голову, проводил её взглядом серебряных глаз, но не последовал за ней. Он остался стражем у входа.

Арка вела в небольшое помещение, вырубленное прямо в скале. Здесь не было роскоши. Каменные стены, покрытые толстыми шерстяными коврами, глушили эхо. В углу стояла широкая кровать с высоким изголовьем, застеленная мехами и тяжёлыми одеялами цвета ночного неба. На столике у изголовья горела одинокая масляная лампа, отбрасывая длинные, пляшущие тени. Пахло сушёной лавандой и чем-то древесным — успокаивающим, усыпляющим. Это была клетка. Удобная, тёплая, мягкая клетка

Лирэль подошла к кровати. Меха были красивыми и мягкими. Она села на край. Матрас прогнулся, принимая вес её тела. Усталость накатила волной, тяжёлой и непреодолимой. Веки слипались. Мысли путались.

Она легла, подтянув колени к груди. Одеяло было тяжёлым, но тёплым. Оно пахло Валианом? Или ей только казалось? Она закрыла глаза, пытаясь отгородиться от запаха, от тишины, от осознания, где она находится. Сначала ей стало тяжело. Потом наступила тишина, густая, вязкая, как мёд. И только потом — видение.

Она стояла на краю обрыва. Но не у Хрустальной Башни. У кургана. Чёрные камни, сложенные в круг. Ветер нёс пепел. Небо было тёмным, без лун и звёзд. Только тучи, тяжёлые, низкие, готовые пролиться дождём, который не прольётся никогда.

Перед ней стоял Кэйлен. В чёрных доспехах и плащом, разрезанным на ходу. Лицо бледное. Глаза чёрные. Глубокие. Тёплые. Он протягивал руку. Пальцы дрожали. Но не от страха, а от усталости. От двух лет ожидания. От яда, который возвращался эхом, когда связь рвалась.

— Лирэль, — шепнул он. Голос прозвучал прямо в ухе. Не в голове. В ухе. Реальный, тёплый и бархатистый. Она сделала шаг. Потом ещё. Пальцы почти коснулись его ладони. Чешуя на груди вспыхнула жаром. Кольцо на пальце дрогнуло. Свет начал набирать силу. И тут воздух разорвался

Не звуком. Ощущением: холод, резкий и колючий. Идущий не снаружи, а изнутри. Из позвоночника, костей, крови. Она замерла. Шаг не завершился. Пальцы замерли в дюймах от его руки.

За спиной Кэйлена появилась тень. Не густая. Не чёрная. Серая. Как дым от тлеющего угля. В ней не было лица. Только силуэт: высокий, узкий в плечах, в длинном плаще. В руке — клинок. Тёмный. Без бликов.

Тень сделала шаг вперёд, но Кэйлен не обернулся и, казалось, даже не почувствовал её приближения. Его глаза смотрели только на неё, только на Лирэль, и в них читались надежда, усталость и та самая любовь, которая два года держала мир на плаву, спасала его от яда, заставляла каждое утро нести белые цветы к Башне и делала королём не по праву крови, а по праву сердца.

Тень подняла клинок. Лирэль открыла рот, чтобы крикнуть, но звук не вышел — воздух сжался в горле ледяным комом. Чешуя на груди мгновенно покрылась инеем, кольцо на пальце погасло, свет исчез, и тьма вернулась.

Клинок вошёл не быстро, а медленно, точно и неотвратимо — в грудь, в левое лёгкое, прямо в сердце. Кэйлен дёрнулся, но не упал; он сначала замер, затем медленно опустил голову, посмотрел на лезвие, пронзившее его доспехи, и перевёл взгляд на неё. В его глазах не было ни боли, ни страха — лишь безмолвный, тихий, разрывающий душу вопрос: «Почему?»

Лирэль рванулась вперёд, протягивая руки, но её пальцы сомкнулись на пустоте. Кэйлен исчез, тень растворилась, курган и обрыв пропали, оставив после себя лишь всепоглощающую тьму, холод и въедливый запах озона с пеплом, осевший на нёбе, в глотке и лёгких. И кровь — густая, тёплая, солёная, — которая текла из носа, капала на губы, подбородок и грудь. Лирэль резко открыла глаза

Над ней нависал потолок кельи, скрытый в полумраке. Лампа догорала, фитиль трещал, выпуская тонкую струйку дыма. Она лежала в постели, сбросив одеяло. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Чешуя на ключице горела, пульсируя неровно, болезненно.

Она села, опираясь руками о мягкие мехи. Пот проступил на лбу, холодный и липкий. Во рту стоял металлический привкус крови.

— Тебе нужен ещё отвар, — произнёс голос из темноты.

Валиан стоял в арке. Он не вошёл. Просто наблюдал. Его фигура была почти неразличима в тени, только глаза слабо блестели, отражая остаток света лампы.

— Что это было? — спросила Лирэль. Голос сорвался на хрип.

— Кольца не показывают будущее, — сказал он тихо. Голос звучал ровно, без жалости, но и без злорадства. Как диагноз лекаря, который знает, что пациент умрёт, если не согласится на операцию. — Они показывают цену.

Лирэль смотрела на чашу, которую он молча поставил рядом. Пар бил ей в лицо, тёплый, пахнувший мятой и горечью. Успокаивающий. И такой лживый.

— Какую цену? — спросила она. Голос дрогнул.

Валиан поднял на неё глаза.

— Твою и его Ты думаешь, это просто любовь? — Валиан говорил тихо, почти шёпотом, но каждое слово падало тяжёлым камнем. — Кольца не прощают предпочтений, Лирэль. Они требуют равноправия. Свет и Тьма. Жизнь и Смерть.

Он шагнул ближе, и тень от его фигуры накрыла её.

— Если ты вернёшься к нему Отдашь ему всё своё сердце, всю память, всю себя Ты нарушишь весы. Свет станет слишком тяжёлым. И магия заберёт лишнего.

Лирэль подняла на него глаза.

— Кто будет лишним?

— Он, — ответил Валиан без колебаний. — Его сердце уже надломлено ожиданием. Оно не выдержит удара обратной волны. Эта связь убьёт его быстрее, чем любой яд. Ты спасёшь свою любовь, похоронив её объект.

Он лишь кивнул на чашу.

— А если ты останешься со мной Примешь эту тень Баланс сохранится. Он будет жить. Далеко. Чужой, но живой. Цена твоего счастья — его жизнь. Выбирай. Я не хочу, чтобы ты выбирала вслепую, — продолжил Валиан.

Его голос звучал тихо, без триумфа или злорадства, лишь с пугающей ровностью и расчётом. — Я хочу, чтобы ты видела развилку. Чтобы знала цену. Даже если ты не любишь меня. Даже если помнишь его. Даже если твой выбор продиктован не сердцем, а разумом, телом и долгом. Корона — это металл, она не дышит. А любовь — это цена. И я знаю, как её платить.

Пальцы Лирэль дрогнули, когда она взяла чашу. Отвар был горячим и горьким, но реальным. Она сделала глоток, потом ещё один. Жидкость обожгла горло, согрела желудок и начала медленно вытеснять холод из груди, действуя как лекарство, как яд и как окончательный выбор.

— Спи, — сказал Валиан, отступая на шаг. — Завтра мы начнём с трав. Твои руки вспомнят, как их смешивать, а тело — как дышать.

Он отвернулся и вышел из кельи через арку, вернувшись в главный зал святилища. Алтарь стоял всего в нескольких шагах от входа, так что пространство оставалось акустически единым. Валиан сел на нижнюю ступень, достал из кармана ещё один белый цветок и аккуратно положил его на камень рядом с остальными. Без суеты. Без лишних звуков.

Лирэль допила отвар, поставила чашу на пол и легла, закрыв глаза. Она дышала медленно, считая удары сердца: раз, два, три. Чешуя пульсировала тускло и неровно, кольца не светили, а тёмные линии на коже не исчезали, оставаясь здесь, реальными, как шрам, как печать, как предупреждение.

Она не спала. Сквозь открытую арку до неё доносились ровное, медленное дыхание Валиана, тихий шорох его плаща, едва слышный скрип камня под лапами волка и глухой шум ветра за внешними стенами святилища. Ночь тянулась медленно.

Где-то в глубине сознания, за стеной боли, отвара, фактов, страха и двух лет пустоты, что-то шевельнулось. Не воспоминание. Не сон. Инстинкт. Телесная память, пережившая годы тишины, вдруг начала работать. Не словами. Чувствами. Чёткими, холодными, как лезвие.

Она знала, что должна сделать. Не сейчас. Не в этой постели. Но знание уже легло на язык, как горький отвар: найти сквозняк. Обследовать швы камня. Зафиксировать маршрут. Спрятать Выживание — это не надежда. Это расчёт. Тихий, невидимый шаг в сторону, когда все смотрят прямо.

Она закрыла глаза, дышала, считала и ждала, пока святилище спало или притворялось спящим. Ночь сменилась предрассветной серостью. Лунный свет побледнел, тени удлинились, а воздух стал холоднее. Валиан не спал, он сидел у алтаря с прямой спиной и расслабленными, но не мягкими плечами. Волк Нокс лежал рядом, полузакрыв глаза, но его уши двигались, ловя каждый звук.

Лирэль лежала неподвижно, дыша ровно, со спокойным лицом и сложенными на груди руками. Перчатки были сняты, обнажая бледные пальцы, вокруг которых тёмные линии стали чуть заметнее и тоньше, напоминая паутину или трещины на стекле.

Она открыла глаза. Медленно, осторожно посмотрела в свод, затем на Валиана через арку. Он не обернулся, не поднял головы, просто сидел и дремал.

Лирэль села, также медленно и осторожно, чувствуя холод камня под ногами. Она встала и шагнула вперёд, но не к нему, а к стене главного зала, к колонне, туда, где тень была гуще, камень старше, а узор на плите стёрт временем, но не исчез полностью.

Она провела пальцами по поверхности: сначала холодной и гладкой, затем шероховатой. Там была трещина — не случайная, а ровная, прямая, уходящая вниз, в пол, в глубину. Она нажала. Камень поддался и бесшумно сдвинулся, издав лишь лёгкий скрип, потерявшийся в предрассветном ветре.

За плитой открылась темнота — узкая, глубокая, пахнувшая сырой землёй, старым железом и гномьей пылью. Тоннель. Гномий, тайный, забытый. Ведущий наружу, к пустоши, к Башне, к Кэйлену, к свободе.

Лирэль замерла, дыша медленно и ровно, словно маятник, отмеряющий шаги по краю пропасти или сам момент выбора. Она сделала шаг внутрь, чувствуя, как холодный, сырой воздух тянется на юго-восток. Туда, где за лесом и выжженной пустошью стояла Хрустальная Башня.

Она вернулась, задвинула плиту. Камень встал на место без звука. Провела ладонью по шву, стирая пыль, след, улику. Затем её пальцы нащупали в складках одежды маленький, чистый лист плотного пергамента — заготовку для травяных этикеток, которую она всегда носила с собой. Взяв уголёк с догорающей лампы, она быстро набросала схему: расположение трещины, направление сквозняка, примерное расстояние до выхода.

Движения были точными, механическими. Тело помнило, как фиксировать маршруты, даже если разум стирал названия и даты.

Вернувшись к кровати, она села, положила руки на колени, закрыла глаза и снова начала медленно дышать, считая удары сердца. Чешуя пульсировала тускло и неровно, кольца не светили, а тёмные линии на коже оставались здесь, реальными, как шрам, печать или предупреждение.

Валиан потянулся, встал и подошёл к арке, соблюдая дистанцию, достаточную для того, чтобы голос дошёл, дыхание не мешало, а присутствие чувствовалось. Серый свет утра уже пробивался сквозь трещины свода, окрашивая его профиль в холодные тона.

— Сегодня, — тихо сказал он. Голос прозвучал ровно, как приговор, который нельзя обжаловать. — Травы. Смеси. Твои руки вспомнят, тело вспомнит. И я буду рядом.

Он отвернулся, прошёл к алтарю, сел и вынул из кармана ещё один белый цветок, который положил на камень рядом с другими — ровно, аккуратно, без суеты.

Лирэль не ответила, не кивнула, даже не посмотрела в его сторону. Она просто дышала, считала и ждала, пока святилище святилище просыпалось или притворялось пробуждённым. А где-то далеко, за горизонтом, на склоне холма, резонанс спаянных колец резко упал. Глубоко и тихо, словно удар маятника, пропустившего такт. Или дыхание, которое замерло, обозначая начало разрыва связи.

Лирэль открыла глаза, посмотрела в свод, на свои руки, на перчатку, карту, тайну и выбор. Затем она закрыла глаза, продолжая дышать, считать и готовиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.